

КОРОЛЕВСКАЯ АНАЛОСТАНКА

Жизнь первая

I

— Мя-я-со! Мя-я-со! — пронзительно разносилось по Скримперскому переулку.

Все кошки околотка сбегались на этот призыв. А собаки отворачивались с презрительным равнодушием.

— Мя-я-со! Мя-я-со! — раздавалось все громче и громче.

Наконец появился грязный, всклокоченный человек с тачкой. Со всех сторон к нему спешили кошки. Через каждые пятьдесят шагов, как только кошек собиралось достаточно, тачка останавливалась. Человек доставал из ящика вертел, унизанный кусочками сильно пахнущей вареной печенки. Длинной палкой он поочередно спихивал эти кусочки с вертела. Каждая кошка хватала по куску, прижав уши, и, метнув злобный взгляд, с урчаньем бросалась прочь, чтобы насладиться добычей в надежном убежище.

— Мя-я-со! Мя-я-со!

Все новые и новые пенсионерки¹ прибывали за своими порциями. Все они были хорошо известны продавцу печенки. Вот Тигровая — Касильоне, вот Черная — Джонса, вот Черепаховая — Пралицкого, вот Белая, принадлежащая мадам Дантон. Там вон крадется Ангорская — Бленкинсофа. А тот, что залез на тачку, старый Оранжевый Билли — кот Сойера, наглый плут, хозяин его очень плохо платит. Каждого надо помнить. Вот бежит кошка, хозяин которой аккуратно вносит свои десять центов в неделю. Зато вот та, другая, ненадежна. А вот кот Джона Уаши: этот получает кусочек поменьше, потому что Джон задерживает платеж. Разукрашенный ошейником и бантами крысолов трактирщика получает добавочную порцию в награду за щедрость хозяина. Не менее счастлива и кошка сборщика податей, хотя сборщик не дает, а требует деньги. Вот доверчиво прибегает черная кошечка с белым носиком, но — увы! — ее беспощадно отталкивают. Бедняжка не понимает, что случилось. Она получала печенку в течение долгих месяцев. Почему такая жестокая перемена? Но продавец печенки хорошо знает, в чем дело: ее хозяйка перестала ему платить. У него нет никаких книг, он руководствуется только памятью, и память его никогда не обманывает.

Кошки, не числившиеся, так сказать, в списках аристократии, дожидались на почтительном расстоянии, надеясь на счастливую случайность. В числе этих прихлебателей находилась одна серая жительница трущоб, бездомная кошка, пробавлявшаяся чем бог послал, тощая и грязная. Одним глазом она следила за тачкой,

¹ Пенсионерка, пансионерка (*устар.*), от *pension* (*фр.*) — лицо, пользующееся предоставляемым ему пансионом (полное обслуживание: жилье, питание, уход).

а другим поглядывала, не подстерегает ли ее собака. Десятки кошек удалились, получив свою долю печенки, а у нее все еще не было никакой надежды на завтрак. Но вот большой кот, такой же бездомный, как и она, напал на одну из пенсионерок, чтобы отнять у нее добычу. Жертва выронила мясо, готовясь к обороне. Пока они дрались, серая трущобница схватила кусок и была такова.

Она проскользнула в боковую калитку, перескочила через заднюю стену, затем уселась, проглотила кусок печенки, облизнулась и, блаженствуя, отправилась окольными путями к свалке, где на дне старого ящика от бисквитов дождалось ее семейство. Вдруг она услышала жалобное мяуканье. Она помчалась к своим детенышам и увидела большого черного кота, преспокойно пожиравшего ее котят. Кот был вдвое больше ее, но она набросилась на него с такой яростью, что он, застигнутый на месте преступления, повернулся и бросился бежать. Из котят уцелел всего один — маленький серый котенок, похожий на мать, но с черными полосками на спинке и белыми отметинами на носу, ушах и кончике хвоста.

Первые дни мать горевала безмерно. Но потом горе ее утихло, и вся любовь и забота сосредоточились на оставшемся в живых малыше. Черный кот, пожирая котят, конечно, не собирался сделать доброе дело, а между тем он оказался невольным благодетелем и матери и ее детеныша: легче выкормить одного котенка, чем многих. Ежедневные поиски пищи продолжались. Продавец печенки редко приносил ей счастье, но в мусорных ящиках всегда бывала картофельная шелуха, которой можно было заглушить голод.

Однажды ночью мать-кошка почуяла чудесный запах. Он доносился с реки. Этот запах привел кошку в док, а оттуда — на набережную. Услышав внезапное рычанье,

она поняла, что путь к бегству отрезан ее давнишним врагом, собакой с верфи. Выбора не было: она перескочила на судно, с которого доносился чудесный рыбный запах. Собака осталась на берегу, и когда утром рыбацье судно отправилось в плавание, кошка поневоле отчалила на нем, и больше ее никто никогда не видел.

II

Напрасно дожидался матери трущобный котенок. Утро пришло и прошло. Котенок сильно проголодался. Перед вечером он пустился в поиски за пищей. Он вылез из ящика и стал ползать по мусорным кучам, обнюхивая все, что казалось съедобным, но не находил ничего. Наконец он достиг деревянных ступенек, спускавшихся в подвальную лавку продавца птиц, Японца Мали. Дверь была приоткрыта. Котенок вступил в целый мир едких и странных запахов. Он увидел множество заключенных в клетки живых существ.

На ящике в углу сидел негр. Негр заметил маленького незнакомца и стал с любопытством следить за ним. Котенок миновал несколько клеток с кроликами, не обратившими на него внимания. Но вот он подошел к клетке с широкой решеткой, в которой сидела лисица. Знатная дама с пушистым хвостом находилась в самом дальнем углу клетки. Она приникла к земле. Глаза ее загорелись. Котенок приблизился, принюхиваясь, к решетке, просунул голову внутрь, еще раз понюхал, затем двинулся к миске с едой — и в тот же миг был схвачен караулившей его лисицей. Послышалось испуганное «мяу!», и сразу кончилась бы кошачья жизнь, если бы не вмешался негр. Оружия у него не было, войти в клетку он не мог, но

он запустил в морду лисицы такой решительный плевок, что та мгновенно выронила котенка и забилась в угол, мигая глазами от страха.

Негр вытащил котенка из клетки. Сотрясение ошеломило его. Малютка был невредим, но словно одурманен. Он, шатаясь, сделал несколько шагов и стал понемножку приходить в себя. Несколько минут спустя он мурлыкал на коленях у негра. Тут в лавку вернулся продавец птиц, Японец Мали. Японец Мали родился вовсе не в Японии, а в лондонском предместье. Но у него на месте глаз были такие крошечные прорезы, косо расставленные на плоском круглом лице, что настоящее его имя было забыто,

и все называли его Японцем. Он не был жесток к птицам и животным, которыми торговал. Он только соблюдал свою выгоду и знал, что ему нужно. Ему не был нужен трущобный котенок. Негр накормил малыша всласть, затем отнес его в отдаленный квартал и покинул там на дворе железного склада.

III

Одного обильного обеда вполне достаточно на два-три дня. Наевшийся котенок был очень оживлен и весел. Он обрыскал груды мусора, любопытно поглядывал на висевшие за окнами далекие клетки с канарейками, заглянул через забор, увидел большую собаку, потихоньку спустился обратно, разыскал защищенное местечко на самом припеке и проспал там целый час.

Его разбудило легкое фыркание. Перед ним стоял большой черный кот со сверкающими зелеными глазами. На одной щеке его белел рубец, и левое ухо было прорвано. Глядел он совсем неприветливо. Уши его шевелились, хвост подергивался, и в горле раздавалось глухое клокотание. Котенок простодушно пошел к нему навстречу. Он не узнал губителя своих братьев. Черный кот потерся мордой о тумбу, затем медленно, спокойно повернулся и исчез. Последнее, что котенок увидел, был кончик его хвоста, подергивавшийся вправо и влево. И малыш никогда не узнал, что был так же близок к смерти, как в ту минуту, когда отважился войти в клетку лисицы.

Вечером котенок почувствовал голод. Он внимательно изучил длинный невидимый и разнородный поток воздуха, именуемый ветром. Выбрав наиболее интересное из его течений, он побрел ему навстречу, повинуюсь

указаниям носа. В углу двора оказался ящик с мусором, в котором ему удалось разыскать немного пищи. Поев, он напился из кадки с водой, стоявшей под краном. Всю ночь он старательно изучал двор. Следующий день, как и предыдущий, он провел в сладком сне на солнышке.

Так шло время.

Иногда он находил в мусорном ящике целый обед, иногда ничего не находил. Однажды он застал там большого черного кота, но осторожно удалился, прежде чем тот успел его заметить. Кадка с водой почти всегда стояла на своем месте, а когда ее уносили, на камне под краном оставались мутные лужицы. Но мусорный ящик

был чрезвычайно ненадежен. Однажды он на целых три дня оставил котенка без еды. Малыш пошарил вдоль забора и, отыскав небольшое отверстие, вылез на улицу. Не успел он как следует оглядеться, как вдруг что-то ринулось, зашумело: на него налетела с размаху большая собака. Котенок едва успел проскочить обратно на двор сквозь дыру в заборе. Он был страшно голоден. К счастью, он нашел немного картофельной шелухи, слегка заглушившей его мучения. Утром он не лег спать, а снова отправился на промысел.

Во дворе щебетали воробьи. Они и прежде бывали здесь, но теперь котенок глядел на них другими глазами. Неотступное чувство голода пробудило в нем хищнические инстинкты. Теперь эти воробьи были добычей, были пищей. Котенок припал к земле и стал подкрадываться к воробьям. Много раз он повторял попытку, но безуспешно: воробьи были проворнее его и всегда улетали вовремя. Наконец он понял, что хотя воробьи — пища, но пища недосыгаемая.

На пятый день этого незадачливого житья трущобный котенок снова отправился на улицу, надеясь чего-нибудь поесть. Когда он отошел на порядочное расстояние от щели в заборе, несколько маленьких мальчиков принялись обстреливать его кирпичами. Он пустился бежать. К погоне присоединилась собака. Положение беглеца становилось безнадежным. Но вдруг он увидел железную решетку перед фасадом дома и укрылся за нею, еле успев увернуться от собаки. В окне наверху показалась женщина, прикрикнувшая на собаку. Она бросила бедняжке обрезок мяса, и котенок полакомился, как никогда еще в жизни. Затем он забился под навес, просидел там до тех пор, пока наступившая ночь не принесла с собой покоя, и тогда, словно тень, проскользнул обратно в свой двор.

Такая жизнь длилась два месяца. Котенок вырос, возмужал и хорошо изучил опасности. Он познакомился с Даун-стрит, где каждое утро появлялись ряды мусорных ящиков. Для него большой дом был складом мусорных ящиков, всегда полных лучшими рыбными отбросами. Он вскоре познакомился также с продавцом печенки и примкнул к робкой стае кошек, за которых никто не платил. Пришлось ему встретиться и с собакой с верфи и с другими страшными псами. Он узнал, как они злы, и научился их избегать.

Вскоре, к своему счастью, он изобрел новый промысел. Многие кошки топтались в напрасной надежде вокруг заманчивых бидонов с молоком, которые оставляет по утрам на порогах и подоконниках молочник. Счастливая случайность однажды натолкнула нашего котенка на

бидон со сломанной крышкой. Это научило его поднимать и целые крышки и напиваться всласть. Откупорить бутылку он, разумеется, не мог, но ему немало попадалось бидонов с плохо прилегающей крышкой. Наш котенок усердно разыскивал такие бидоны. Мало-помалу он изучил весь свой квартал. Проникая все дальше, он наконец снова очутился среди бочонков и ящиков заднего двора, за лавкой продавца птиц.

Двор железного склада всегда оставался для него чужим, но тут в нем сразу проснулось чувство собственности, и он отнесся с негодованием к появлению другого котенка. С угрожающим видом он двинулся к прищельцу. Дело уже дошло до фырканья и урчанья, когда выплеснутое из верхнего окна ведро воды залило обоих и основательно охладило их пыл. Они бросились в разные стороны: незнакомец — через стену, а трущобный котенок — под тот самый ящик, в котором он родился. Эти задворки были необычайно милы его сердцу, и он вновь обосновался здесь на жительство. В этом дворе пищи было так же мало, как в прежнем, и вовсе не было воды, но зато его посещали вкуснейшие мыши. Благодаря этим мышам наш котенок скоро нашел себе друга.

IV

К этому времени котенок превратился уже в большую, красивую кошку, пятнистую, словно тигр. Ее бледно-серую шкурку украшали черные полосы, а четыре белых пятна на носу, хвосте и ушах придавали ей чрезвычайно изящный вид. Несмотря на то что она отлично умела отыскивать пищу, ей иной раз приходилось голодать по нескольку дней, и тогда она снова безуспешно

принималась охотиться за воробьями. Она была совсем одинока.

Однажды в августе, когда киска нежилась на солнце, она увидела большого черного кота, который шел прямо к ней. Она тотчас узнала его по рваному уху, попятилась к своему ящику и спряталась в нем. Черный осторожно двигался вперед, легко перепрыгнул со стены на сарай в конце двора и стал переправляться через его крышу, как вдруг перед ним вырос желтый кот. Черный уставился на него с рычаньем, желтый отвечал тем же. Хвосты их злобно извивались. Крепкие глотки рычали и урчали. Они приблизились друг к другу с прижатыми к затылку ушами, с напряженными мускулами.

— Яу-яу-яу! — сказал черный.

— Яу-у-у! — прозвучал в ответ здоровенный бас.

— Я-яу-яу-яу! — сказал черный, придвигаясь на четверть дюйма ближе.

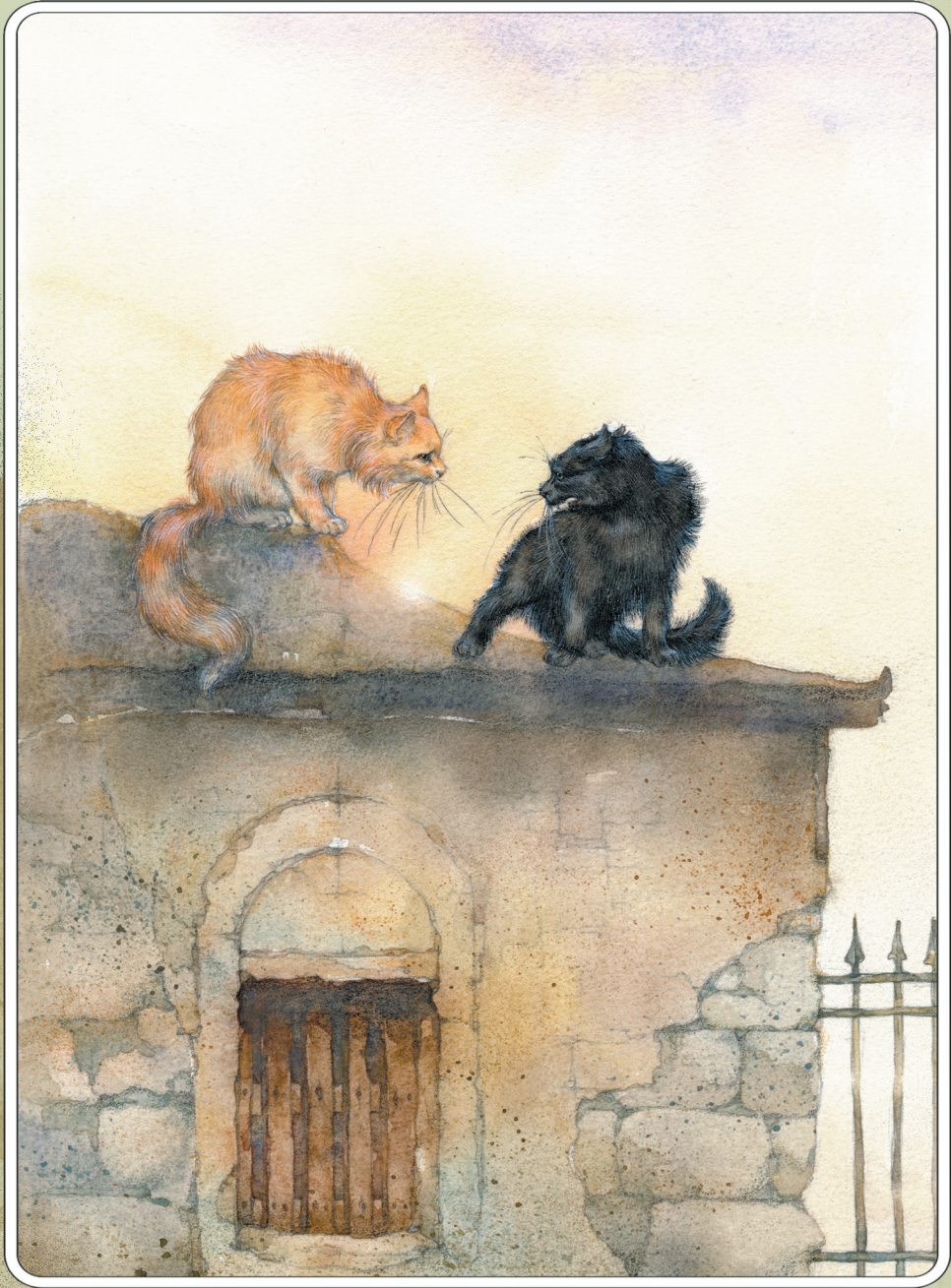
— Яу-у-у! — ответил желтый. Выпрямившись во весь рост, он с необычайным достоинством сделал шаг вперед. — Яу-у! — И он ступил еще раз, хлеща себя по бокам хвостом.

— Я-яу-яу-у! — взвизгнул черный, повышая тон, и отступил на осьмушку дюйма перед широкой непреклонной грудью противника.

Вокруг открывались окна, слышались людские голоса, но кошачья ссора не прерывалась.

— Яу-яу-у! — загремел желтый, понижая голос по мере того, как голос черного повышался. — Яу! — И он шагнул вперед.

Теперь между их носами было каких-нибудь три дюйма. Они стояли боком, оба готовые вцепиться друг в друга, но дожидаясь, чтобы начал враг. Минуты три они молча пожирали друг друга глазами,

неподвижные, как изваяния; шевелились только кончики их хвостов.

Затем желтый начал снова:

— Я-у-у! — низким басом.

— Я-а-а-а! — завизжал черный, стараясь вселить ужас своим воплем, но в то же время отступая на одну шестнадцатую дюйма.

Желтый ступил вперед на полдюйма. Теперь усы их смешались. Еще шаг — и носы их чуть не столкнулись.

— Я-у-у! — злобно прорычал желтый.

— Я-а-а-а-а! — взвизгнул черный, отступая на тридцать вторую часть дюйма.

Желтый воин ринулся вперед и вцепился в него.

О, как они кувыркались, кусались и царапались! Как они кусали, таскали и мяли друг друга! Особенно отличался желтый.

Кубарем, через голову, иногда один сверху, иногда другой, но чаще желтый, они катились все дальше и дальше, пока не свалились с крыши под радостные крики зрителей, толпившихся у окон. Даже во время падения они продолжали мять и царапать друг друга. Особенно больно царапался желтый.

Когда они коснулись земли, верхним оказался желтый. И когда они наконец расстались, каждому досталось вдоволь и в особенности черному. Он взобрался на стену и, ворча, истекая кровью, исчез, в то время как от окна к окну передавалась весть, что наконец-то Оранжевый Билли как следует отдул Черного Нига.

Либо желтый кот был очень искусный сыщик, либо трущобная киска не слишком усердно пряталась, но он нашел ее среди ящичков, и она не пыталась бежать. Ничто так не покоряет женское сердце, как победа на поле боя. Желтый кот и киска вскоре подружились. Не то чтобы